

Рубеж для элиты: как закрывают двери вузов для россиян

Об изменении вектора в российской образовательной политике заговорили в 2023 году. Тогда процесс только начинался – школьникам начали перекрывать доступ в 10-е и 11-е классы. В 2024-м процесс набрал обороты. Теперь же Минобрнауки закрывает двери в вузы, поднимая минимальные баллы ЕГЭ для поступления сразу по шести предметам. И барьер этот возводят даже для тех, кто готов платить. Например, в декабре 2025 года Минобрнауки утвердило новые минимальные баллы ЕГЭ для поступления в вузы в 2026/27 учебном году. Изменения коснулись химии, биологии, физики, информатики, истории и иностранного языка. Цифры говорят сами за себя: по химии и биологии порог вырос с 39 до 40 баллов, по физике – с 39 до 41, по информатике – с 44 до 46, по истории – с 36 до 40. Но особенно показателен скачок по иностранному языку – сразу на 10 баллов, с 30 до 40. И это только официальный минимум Минобрнауки. Вузы, как известно, вправе устанавливать собственные пороги – и, как правило, они значительно выше. При этом в ведомстве успокаивают: изменения затронут лишь около 1% поступающих. Но даже повышение на несколько баллов – это тысячи школьников, которые просто не попадут в вуз. Особенно в регионах, где качество школьного образования оставляет желать лучшего, а деньги на репетиторов есть далеко не у всех.

«ЕГЭ в сочетании с дефицитом кадров резко снижает возможности получения высшего образования для выпускников

сельских школ», – констатирует первый зампред Комитета Госдумы по науке и высшему образованию и депутат от КПРФ Олег Смолин. «Именно в сельских школах колоссальный дефицит учителей – и, прежде всего, физики, химии, биологии, математики. Сельские ребята и их родители, как правило, не имеют денег на репетиторов».

вращать деньги абитуриентам, которые уже оплатили обучение – например, в Высшей школе экономики деньги возвращали даже тем, кто проходил по конкурсу и кого вуз имел возможность обучить.

В декабре министр науки и высшего образования Валерий Фальков объявил о планах сократить около 45 тысяч платных

Ирина Абанкина отмечает: новые правила подрывают не только финансовую стабильность университетов, но и будущее абитуриентов, «особенно уязвимыми оказываются те, кто делает выбор в пользу гуманитарных и социально-экономических направлений».

На фоне ужесточения правил для российских абитуриентов контрастно выглядит политика в отношении иностранных студентов. Правительство ежегодно выделяет квоты для обучения граждан других стран на бюджетной основе. В 2025 году по этим квотам в российские вузы поступили 30 тысяч студентов из 177 стран. При этом, по словам главы Минобрнауки, на эти места поступило более 80 тысяч заявок – конкурс серьёзный, но места есть.

Иностранцам же студентам предоставляют не только бюджетные места, но и жильё, и стипендии. Вузы охотно принимают их – это и престиж, и международное сотрудничество, и финансирование. Вопрос в другом: почему в то же самое время, когда правительство перекрывает кислород российским абитуриентам, оно распахивает двери перед иностранцами? Молодых россиян выдвигают на завод (и это в лучшем случае), а лучшие условия обещивают приезжим и детям элиты.

Коммунисты последовательно выступают против ужесточения правил поступления. Олег Смолин неоднократно заявлял, что фракция будет отстаивать принцип «образование для всех». По его словам, предлагаемые законопроекты «идут в прямо противополож-

ном направлении» – вместо сокращения сферы применения ЕГЭ её расширяют.

«В России действия исполнительной власти обернулись фактическим перекрытием многим людям возможности получения высшего образования. Коммерциализация обучения, введение ограничений на поступления в бюджетные и в частные вузы – всё это и многое другое закрывает молодым людям дорогу к получению профильных специальностей», – констатирует Смолин.

В июне 2026 года депутаты КПРФ внесли в Госдуму законопроект о единой системе учёта дополнительных баллов к ЕГЭ – за медали, олимпиады, участие в СВО и волонтерство. Инициатива направлена на «создание более справедливых условий конкурсного отбора». Но даже это – попытка латать дыры в системе, которая, по мнению коммунистов, изначально несправедлива. КПРФ по-прежнему настаивает на отмене ЕГЭ – этой системы натаскивания и зубрёжки, которая не развивает мышление.

В Минобрнауки говорят о повышении качества образования. Но качество не повышается запретами и барьерами. Оно повышается вложениями – в школы, в учителей, в материально-техническую базу, в доступность подготовки. Когда правительство сокращает возможности, а не расширяет их, когда отечественным абитуриентам говорят «нет», а иностранным – «добро пожаловать», возникает закономерный вопрос: для кого строится эта система? Ведь доступ к знаниям – это не привилегия, это основа развития страны. И если мы продолжим строить барьеры вместо мостов, то проиграем все – и те, кто останется за воротами вузов, и те, кто окажется внутри.

Мария Климанова

Для Москвы и крупных городов это не катастрофа – там репетиторы, подготовительные курсы и столичные школы с углублённым изучением предметов давно стали нормой. Но в регионах это ударит по целому поколению абитуриентов. И это только один фронт наступления на доступность высшего образования.

Стоит напомнить, что в мае 2025 года был принят закон, наделивший правительство правом напрямую регулировать количество платных мест в вузах. И регулятор не заставил себя ждать. Вузы начали воз-

мест – примерно 13% от общего числа. Больше всего пострададут негосударственные вузы – там уберут почти 20% мест. Изменения коснутся около 40 направлений подготовки, включая экономику, менеджмент, юриспруденцию, рекламу и связи с общественностью.

Официальная цель – повысить качество образования и ориентировать его на потребности экономики. Но на практике это означает, что тысячи молодых людей, не прошедших по баллам на бюджет, лишаются даже платной альтернативы. Профессор НИУ ВШЭ

Тогда и сейчас

Десятого июля мы отметили 91 год со дня начала реализации сталинского Генерального плана реконструкции Москвы. Депутат Совета депутатов муниципального округа Хамовники Андрей Воронков делится своими впечатлениями на эту тему.

Недавно с большим интересом прочитал «Памятные записки» видного большевика и советского государственного деятеля Лазаря Моисеевича Кагановича, в 1930-е годы стоявшего у руля масштабной реконструкции Москвы. Меня, как профессионального архитектора, особенно зацепил один момент – то, какое внимание в то время уделялось сохранению исторических памятников.

Мы привыкли думать, что в эпоху грандиозныхстроек и сносов старина была обречена. Но вот, например, знаменитый храм Василия Блаженного. Когда встал вопрос о реконструкции Красной площади, кто-то предлагал его снести. Каганович пишет, как И. В. Сталин вызвал его и других ответственных товарищей и лично поручил найти достойное место для памятника Минину и Пожарскому, при этом строго-настрого указав:

«...посоветуйтесь с архитекторами насчёт возможности использования площадки у Храма Василия Блаженного, с тем чтобы ему ни в коем случае не повредить».

И это было сделано! Памятник передвинули, а храм, который по праву счита-

ется символом Москвы, был не просто сохранён, а стал частью нового архитектурного ансамбля.

А как же быть со знаменитым Храмом Христа Спасителя, судьба которого до сих пор вызывает споры? Каганович подробно описывает этот процесс. Это было не сиюминутное решение «снести и забыть». Вопрос места для Дворца Советов обсуждался долго и мучительно. Были варианты с Ленинскими горами, Манежной площадью, зданием Коминтерна. В итоге, после многократных обсуждений в правительстве и Политбюро, приняли решение строить на месте храма. Но и тогда, как пишет Каганович, у него самого и у его товарищей были возражения. «Скажу прямо, что мы считали, что это политически может задеть верующее население», – писал Каганович. При этом он отмечал, что ведущие архитекторы того времени, такие как Жолтовский и Фомин, считали, что особой архитектурной ценности Храм не представляет. Решение принималось коллективно и взвешенно, а не по чьей-то прихоти.

Отдельная история – Сухарева башня. Оказывается, и здесь была целая эпопея.

Каганович пишет, что вопрос тянулся долгое время, и обсуждать его было нелегко. Причина была не в желании уничтожить память, а в том, что башня стояла на пути растущего автомобильного движения, и вокруг неё постоянно гибли люди.

Искали компромисс: предлагали пустить под башней тоннель, но это было технически невозможно из-за её аварийного состояния. Предлагали сделать круговое движение, сломав соседние дома, но это создало бы угрозу для больницы Склифосовского. В итоге, после долгих совещаний с участием архитекторов и личных выездов на место, было принято тяжёлое, но вынужденное решение о сносе.

Сейчас, увы, редко встретишь такой же подход. Мы видим, как снос исторических зданий в центре города зачастую про-

исходит с нарушением всех норм, под шумок точечной застройки. Идёт варварская замена подлинных фасадов на дешёвые «новоделы» из стекла и пластика. А сколько памятников архитектуры ветшают прямо у нас на глазах, когда их владельцы годами не могут найти средства на реставрацию?

Вспомните хотя бы «свежие» примеры, такие как лишение охранного статуса исторического комплекса «Электrozавод», снос дома-

коммуны «Изотерма» и исторических зданий Тимирязевской академии. А ведь были ещё десятки других объектов, судьба которых решалась в кулуарах инвесторов.

В 1930-е годы, даже в эпоху радикальной перестройки города, во главу угла ставились безопасность людей, транспортная доступность и, что самое важное, – коллективное обсуждение и учёт мнения ведущих специалистов, а не коммерсантов и банкиров!

Имея на руках детальные планы Генеральной реконструкции, они подходили к сохранению наследия с прагматизмом, но и с уважением, стараясь, по возможности, вписать старину в новый облик столицы. Сегодня этого, к сожалению, часто не хватает. Постараемся же это исправить!